

У Т Р О Ю Г А

№ 101. Пятница, 2 мая 1914 года.

Щедринъ и Чеховъ.

(Лекція В. П. Кранихфельда).

Третьяго дня въ Ростовскомъ театрѣ, въ пользу о-ва вспомоществованія недостаточнымъ учащимся гимназій Н. П. Степанова, извѣстный критикъ-публицистъ В. П. Кранихфельдъ прочиталъ лекцію на тему „Щедринъ и Чеховъ“.

Наше время — время литературныхъ и историческихъ поминокъ. Подводятся какъ бы итоги пережитаго, проводятся параллели, сравниваются „вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій“ и дѣлаются выводы. Всего нѣсколько дней тому назадъ какъ русская общественность ярко и выпукло отмѣтила 25-лѣтнюю годовщину со дня смерти знаменитаго сатирика, который бѣдо и зло, душевно страдая отъ „зіяющей пустоты“ жизни, со всею силой своего красочнаго и гибкаго таланта, безпощадно высмѣивалъ все пошло-уродливое и браздо-тупое своего времени. Приблизительно черезъ мѣсяцъ намъ придется остановиться на 10-лѣтней годовщинѣ смерти „поэта сумерочныхъ дней“ нашей общественности А. П. Чехова.

Но Щедринъ и Чеховъ, этихъ двухъ, якобы, полярныхъ писателей, сближаютъ и роднятъ не литературные поминки. Ихъ роднитъ сложное творчество и общность одинаковыхъ настроеній.

Г. Кранихфельдъ, который долгое время упорно работалъ надъ огромнымъ литературнымъ наслѣдствомъ, оставленнымъ Щедринымъ, въ своей лекціи впервые для русской критики обоснованно доказываетъ, что между творчествомъ Щедрина и творчествомъ Чехова существуетъ неразрывная связь: Чеховъ прямой литературный преемникъ Щедрина. Чеховъ, какъ бы, наслѣдовалъ ядовитый и бичующій смѣхъ знаменитаго сатирика, смягчилъ этотъ злой смѣхъ вѣжностью своего таланта и преломилъ его сквозь многогранную призму своего созерцательнаго творчества.

Литература и критика прошли мимо несомнѣнной общности жизни и творчества обоихъ писателей. Объясняется это, очевидно, тѣмъ, что русская критика въ лицѣ Щедрина привыкла видѣть страстнаго сатирика, активно вмѣшавшагося въ самую гущу жизни, съ строго определенной и ярко выраженной самодовольной личностью. Вполнѣ понятно, что эта самодовольная личность заслоняла отъ насъ Щедрина послѣднихъ дней литературной дѣятельности. Щедринъ на закатѣ дней своей жизни, когда сталъ смолкать бичующій смѣхъ негодованія, когда сатирика стала давить громадною тяжестью глубокая душевная тоска и безысходная мука. Этотъ Щедринъ мало извѣстенъ читающей публикѣ, а потому и та параллель, которую проводитъ г. Кранихфельдъ между Щедринымъ и Чеховымъ, сначала кажется маловероятной. Но потомъ съ взглядомъ критика нельзя не согласиться.

Можно съ очевидной ясностью доказать, что въ 80 г. съ ихъ „игрушечными дѣланнми людишками“ пересѣкались пути творчества умирающаго сатирика и выходившаго только что на широкую литературную дорогу Чехова. Достаточно привести одинъ лишь отрывокъ, какъ станетъ ясно, что творчество Щедрина послѣдстаго періода, его мучительныя переживанія проникаютъ „чеховскими настроеніями“.

Осматриваясь на окружающую его подлинную русскую дѣятельность 80 г.г., Щедринъ пишетъ о той удручающей кар-

тинѣ, которая рисовалась больному сатирику „не то во снѣ, не то на яву“. Щедринъ пишетъ: „сѣрое небо, сѣрая даль, наполненная скитающимися сѣрыми призраками. Въ сѣромъ окресті болота кишатъ и клубятся сѣрые гады; въ сѣромъ воздухѣ беззвучно рѣютъ сѣрыя птицы; даже дорога сѣрымъ пейзажъ усыпана. Сердце мучительно надрывается подъ гнетомъ загадочной, неизмѣримой тоски“. Вслѣдъ за этимъ, сейчасъ же напрашивается параллель. Въ Чеховской пьесѣ „Чайка“ Нина Зарѣчная читаетъ знаменитый монологъ Трелева: „люди звѣри“... Чеховъ тоже самое, только въ другихъ словахъ, сказалъ то, что думать и чувствовалъ Щедринъ.

Въ 80 г.г. пересѣкались пути творчества обоихъ писателей, но къ точкѣ пересѣченія они подошли различно, каждый сообразно своей индивидуальности. Они оба, вплотную, подошли къ „среднему человѣку“ безвременья, который смѣнилъ хвщныхъ и оголѣлыхъ героевъ Щедринскихъ сатиръ. Въ 80 г.г., въ преддверіи которыхъ начертаны были слова: „Галиматья“, Щедринъ вмѣстѣ съ русской общественностью оказался на мучительномъ распутии. Вниманіе сатирика, котораго гнететъ „зіяющая пустота“ жизни, сосредоточивается на „игрушечныхъ дѣланнхъ людишкахъ“, которыхъ онъ презираетъ отъ всей глубины неавидящей души. Онъ смѣло подходитъ къ этимъ „людишкамъ“, вмѣя определенный общественный идеалъ, „утопій“, съ определеннымъ требованіемъ и къ жизни, и къ человѣку. Щедринъ — активенъ и томится отъ отсутствія людей и жизни. Чеховъ не имѣлъ строго выработаннаго идеала. Онъ тосковалъ по красотѣ жизни и не находилъ красоты, отмѣчалъ ея уродливыя проявленія. Чеховъ ничего не требовалъ отъ „средняго человѣка“. Онъ только рисовалъ пустоту его душевной жизни. Чеховъ пассивенъ и созерцателенъ. Въ признаніи „средняго человѣка“, въ тоскѣ по лучшей жизни — сошлись два писателя...

Г. Кранихфельдъ, руководствуясь своими изслѣдованіями въ литературномъ архивѣ Щедрина, далъ сжатую, но исчерпывающую характеристику сатирика. Щедринъ „совѣсть“ русской общественности. Это активно-эмоціонная личность, страстно вмѣшавшаяся въ самую гущу русской дѣятельности, зло бичующая все уродливое и больное, во имя „любви къ дальнему“ „во имя челоѣчности“.

Слѣдуетъ отмѣтить интересную параллель, проведенную г. Кранихфельдомъ, между нашимъ сатирикомъ и французскимъ сатирикомъ. Раблэ: ихъ жизнь и ихъ творчество шло однимъ путемъ; работая въ различныхъ областяхъ, они смѣялись однимъ и тѣмъ же смѣхомъ: злымъ и безпощаднымъ.

Г. Кранихфельдъ далъ цѣнную подробность, касающуюся техники литературныхъ работъ Щедрина. Оказывается, гибкій и образный языкъ, полный красочности и энергичной напряженности, выковывался сатирикомъ путемъ долгой и упорной работы, путемъ постепеннаго совершенствованія. Обыкновенно, Щедринъ бралъ листъ писчей бумаги, складывалъ его пополамъ и чрезвычайно мелкимъ, бисернымъ почеркомъ писалъ на лѣвой сторонѣ листа, оставляя правую сторону для поправокъ. Поправками и измѣненіями заполнялась вся правая сторона листа. Часто Щедринъ совершенно измѣнялъ смыслъ сатиръ, но нѣсколько разъ переписывалъ ихъ. Поэтому послѣ Щедрина осталось такъ много вариантовъ его сатиръ. Знаменитый сатирикъ, любя литературу, свято относился къ ней, упорно, какъ рабъ, работалъ надъ своимъ талантомъ...

Г. Кранихфельдъ познакомилъ слушателей съ неизвѣстнымъ еще въ печати не большимъ отрывкомъ „Бунтъ въ сумасшедшемъ домѣ“.

И. С—ИНЪ.